

Адриана Кавареро

Джудит Батлер и воинствующий субъект¹

Adriana Cavarero
Judith Butler and the Belligerent Subject

Адриана Кавареро (Веронский университет, почетный профессор Департамента наук о человеке, PhD)

Adriana Cavarero (PhD; Honorary Professor, Department of Human Sciences, University of Verona)

Ключевые слова: насилие, ненасилие, Джудит Батлер, уязвимость, лик, Эммануэль Левинас

Key words: violence, nonviolence, Judith Butler, vulnerability, face, Emmanuel Levinas

УДК: 17.021.2
DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_76

UDC: 17.021.2
DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_76

В статье анализируется подход Джудит Батлер к проблеме насилия и ненасилия, а также связанной с этими темами проблематике уязвимости. Автор отмечает, что Батлер придает особое внимание уязвимости как важнейшей человеческой характеристике. Кроме того, реконструкция мысли Батлер заставляет обратить внимание на ее интерпретацию учения о лике Левинаса и стоящей за ним иудейской интеллектуальной традиции. Автор также рассматривает критику Батлер формального определения человеческой природы, которое не учитывает влияние дискурсивных режимов на формирование человеческой идентичности. Батлер анализирует связь между насилием и уязвимостью, подчеркивает, что признание уязвимой жизни структурно зависит от культурных и эпистемологических параметров, определяющих это признание. Важной задачей для автора становится также соотнесение вслед за Батлер индивидуального и социального, частного и политического.

The article analyzes Judith Butler's approach to the problem of violence and non-violence, as well as the vulnerability issues related to these topics. The author notes that Butler emphasizes vulnerability as the most important human characteristic. In addition, the reconstruction of Butler's thought draws attention to her interpretation of the doctrine of the face of Levinas and the Jewish intellectual tradition behind it. The author discusses Butler's criticism of the formal definition of human nature, which does not take into account the influence of discursive regimes on the formation of human identity. Butler analyzes the relationship between violence and vulnerability, emphasizing that the recognition of vulnerable lives is structurally dependent on the cultural and epistemological parameters that determine this recognition. Butler's idea of the correlation of the individual and the social, the private and the political, is also important for the author.

В последние годы проблема насилия — громко заявившая о себе трагедией 11 сентября 2001 года и прямыми эфирами, транслирующими это ужасное событие по всему миру — оказалась в центре внимания философии и политики.

Современные рассуждения о насилии, которые по меньшей мере фиксируют эпохальные изменения в том, как сегодняшнее насилие связано с политикой, исследуют эту проблему в новой и радикальной перспективе: не только ставя под вопрос глобальный геополитический порядок (как если бы события 11 сентября были всего лишь откровением хаотичного и неуправляемого периода, в который мы вступили после холодной войны); но главным образом

1 Перевод выполнен по изданию: *Cavarero A. Judith Butler and the Belligerent Subject // Annali d'Italianistica. 2011. Vol. 29. P. 163—170.*

разрабатывая теорию, которая пересматривает насилие в свете «вопроса о человеке» и берет свое начало в трудной и, возможно, непривычной области онтологии. Это теоретическое исследование (которому и Джудит Батлер, и я посвятили несколько работ в последние годы) фокусируется на необходимости радикального переосмысления насилия, связывая его с онтологией, обнажающей свойственную человечеству уязвимость².

Джудит Батлер одна из первых занялась этим вопросом сразу после событий 11 сентября, показав принципиальную взаимосвязь насилия — которое пережили Соединенные Штаты и которое сами впоследствии нанесли — и мнимой неуязвимости этого государства. Более того, она заостряет вопрос на отношении между уязвимостью и причиняемым вредом в людях как таковых.

Простой выборки эссе Батлер, посвященных проблеме субъекта, очевидно недостаточно, чтобы показать всю сложность ее размышлений на эту тему, а также на тему ненасилия, все более набирающую популярность (по ее мнению). Также и эти несколько страниц, которые я посвящаю означенным проблемам, не могут в полной мере отразить тезисы Батлер и содержание моего постоянного диалога (и критической дискуссии) с ее позицией³. Помимо этого, мы можем ориентироваться на значительный объем публикаций, начиная с текстов американских философов, анализирующих взаимосвязь между политикой, насилием и уязвимостью/незащищенностью в рамках национальных и международных дебатов. На протяжении многих лет Батлер развивала теоретическую линию, которая прослеживается во многих исследовательских монографиях, а также обстоятельной и разрозненной критической литературе⁴. В этой теоретической рамке тема насилия, рассматриваемая в ее типичном проблематичном изводе, заявляется в самом начале и остается важнейшей смысловой точкой.

Если мы хотим рассмотреть этот вопрос в контексте последних работ Батлер — и таким образом понять его особенность, ясность и своевременность — нам необходимо хотя бы несколько слов сказать о проблеме интерпретации, которая для сегодняшних читателей работ Батлер отнюдь не второстепенна. Понятия «насилие» и «уязвимость» появляются в концептуальном словаре Батлер задолго до ее рефлексии о разрушительных событиях 11 сентября. Начиная с «Гендерного беспокойства» (1990) и в более поздних работах эти два термина являются предметом анализа, направленного на разоблачение насилия, присущего системе норм, которая из-за постоянного повторения гетеросексуальной парадигмы «уничуждает» сексуальные идентичности лесбиянок, геев и квир-персон. Такая система норм обрекает их на существование в очень уязвимом социальном положении. Это концептуальное нововведение по праву обрело свою известность (о которой я не говорю в этой статье): своими корнями оно уходит в рассуждения Фуко об эффективности силовых инструмен-

2 Об этой проблеме см.: [Differenza e relazione 2009], где также представлен словарь батлеровской терминологии и библиография ее работ.

3 См., например, мою работу: [Cavarero 2007], а также номер журнала «Filosofia politica» [Filosofia politica 2009], посвященный лексической паре «насилие — уязвимость».

4 См. работы Батлер: [Butler 2004a; 2005; 2009; Butler, Spivak 2007]. В рамках данной статьи невозможно перечислить все работы, посвященные проблеме насилия и уязвимости в работах Джудит Батлер. Достаточно будет упомянуть работы: [Fare e disfare 2008; Judith Butler's Precarious Politics 2008; Judith Butler. Trouble... 2009; Lloyd 2007].

тов в процессе субъективизации. Согласно некоторым интерпретациям, последние работы Батлер — в частности те, что посвящены этическому пересмотру субъекта в терминах ненасилия, — подвержены влиянию этого подхода, который настаивает на насилии норм и рассматривает это насилие как необходимый элемент «формирования» субъекта. Это подтверждает и прочтение Кэтрин Миллс: она утверждает, что в последних работах Батлер «призыв к “этике ненасилия” находится в напряжении, если не в противоречии, с другими аспектами ее исследования нормативности и субъективности» [Mills 2007: 134]. Напряжение, безусловно, присутствует, однако я постараюсь показать, что именно оно является одним из моторов грозной критической и самокритичной машины Батлер; и, пожалуй, именно ее самобытность позволяет ей вновь и вновь исследовать этот конфликт. Наконец, Батлер отлично понимает, что грубость насилия во время войны отличается от изящности нормативного насилия. Точно так же она знает, что уязвимость тел, разорванных на части взрывами и бомбами, отличается от социальной уязвимости «уничтоженных». Это две разные плоскости, и ее аргументация скорее подсвечивает их пересечение, если не их глубокую связь. Так, тема ненасилия — навязанная деструктивностью настоящего и тысячами уничтоженных жизней — рассматривается Батлер в теоретической перспективе, которая уже имеет твердый фундамент в обширной концептуализации связи между уязвимостью и насилием.

Один аспект вопроса о ненасилии, к которому сегодня возвращаются особенно часто, по-видимому, помещает ненасилие в диалектический контекст, где последнее может быть отрицанием насилия (и уже таковым является хотя бы на лингвистическом уровне). Оставаясь верной гегельянскому словарю, Батлер в последних работах определяет отрицание как «борьбу»: «Именно борьба *против* насилия признает, что насилие является чьим-то выбором», — пишет Батлер. Она также отмечает, что ненасилие — отнюдь не являющееся универсальным принципом — «свидетельствует о запуганном и противоречивом положении субъекта, раненого и полного ярости, который имеет доступ к насильственному возмездию, но борется с тем, чтобы применить его» [Butler 2007: 186]. То есть вместо того, чтобы бороться с совершаемым насилием, этот субъект борется со своим желанием отреагировать на совершенное насилие и самому стать агрессором. Проще говоря, человек остается в рамках понимания насилия, восходящего к логике «око за око». В этом смысле суть проблемы зависит от того, как мы понимаем эту общеизвестную максиму, не считая ее чем-то само собой разумеющимся; или, скорее, от того, как мы оцениваем своевременное возобновление цикла возмездия, который рискует показаться структурным, или — как говорит Батлер — оказаться хранилищем агрессивности, соизмеримой, если не сказать единосущной, самому закону человечности. Вопрос можно сформулировать иначе: когда мы говорим о ненасилии, находимся ли мы в рамках «онтологизации насилия, рассматриваемого... как структурно закрепленного и детерминированного на уровне субъекта» [Butler 2009: 177]? Или же (как уже было сказано с некоторым умыслом) мы находимся в рамках сущностной деструктивности, где ненасилие определяется как борьба? Размышлять вместе с Батлер и принимать всю сложность и внутреннюю напряженность ее концептуальных построений — значит всегда быть готовыми к появлению этого вопроса, который, однако, является следствием твердых убеждений Батлер, которые трудно обобщить, но упомянуть полезно.

В ее словаре понятие «онтология» не является обозначением или описанием «фундаментальных структур бытия, отличных от любых других социальных и политических организаций», которые их производят [Ibid.: 2]. Иначе говоря, отличных от различных культурных и этических рамок, чье нормативное, или продуктивное, влияние (особенно потому что оно стремится установить нормы) является насильственным, согласно Батлер. Это, возможно, объясняет, почему при попытке реконструировать ее концепции критики насилия возникает впечатление, что она в некоторой степени избегает риска онтологизации агрессивного субъекта (то есть парадигматического актора «цикла мести») через постоянное смещение самого насилия из плоскости субъекта в социокультурную плоскость, которая и производит это изменение. Чтобы избежать так называемого места происхождения, которого так сильно боится постструктуралистская мысль, или антропологической перспективы, которая рассматривает человека как существо, изначально склонное к совершению насилия, — насилие по-разному, но последовательно рассматривается как неотъемлемый элемент социального порядка. Этот тезис, очевидно, упрощает аргументацию Батлер, особенно со ссылкой на Фуко, как это часто бывает. Однако у этого хода мысли могут быть интересные следствия, в частности когда Батлер — убежденная в том, что проблема ненасилия сегодня связана с уязвимостью — обращается к Эммануэлю Левинасу.

Важно отметить, что уже в «Прекарной жизни», опубликованной после событий 11 сентября 2001 года, Батлер со ссылкой на Левинаса намечает контур того, «как возможна этика иудейского ненасилия» [Butler 2004a: 140]. В этом отношении особенно значимой становится идея «лика», а значит — идея уязвимости, прямо противоположная логике ответного насилия, которой Соединенные Штаты, уверовавшие в свою неуязвимость, придерживаются после терактов 11 сентября и пережитых страданий. Необходимо уточнить, что в словаре Батлер термин «субъект» относится как к частной, так и к публичной сферам, подчеркивая таким образом «связь между концепциями суверенитета и фигурами “я”, между концепциями национализма и моделями маскулинности» [Butler, Cavarego 2009: 133]⁵. И особенно важно помнить, что вышеупомянутый «субъект, раненый и полный ярости», как нельзя лучше подходит для нужд правительства США и их агрессивной реакции на крушение башен-близнецов. После этой атаки государство выбирает именно насильственное возмездие: оно контратакует, или, лучше сказать, атакует, любой ценой, поскольку постулируемая неуязвимость (конструирующая это государство как суверенного субъекта) может быть реализована только в форме возмездия за причиненное насилие. Хотя категория суверенитета в ее классическом гоббсовском изводе работает для всех современных государств, и особенно для европейских, — здесь мы имеем дело с суверенитетом, который базируется на вере в то, что это государство является неприступным и неуязвимым. Таким образом, особый акцент делается на том, что государство использует свой гневный импульс, чтобы отреагировать, предупреждая о насилии, которое «оправдывается как “законное” или даже “добродетельное”, несмотря на то что его основная цель — обеспечить невозможную видимость господства и не-

5 Статья представляет собой диалог между Батлер и мной, впервые напечатанный в № 4 журнала «Micromega» и перепечатанный в цитируемом издании. Все последующие цитаты из этой статьи принадлежат Батлер.

проницаемости посредством разрушительных средств» [Butler 2007: 193]. Хотя Батлер не останавливается подробнее на особенности этого категоричного аспекта (что вполне очевидно для тех, кто высказывается об этом в Европе и кто рассматривает ее сохраняющуюся уязвимость, старую и новую, в терминах жертв среди гражданского населения), она отмечает, что «Соединенные Штаты стремились отрицать свою незащищенность и уязвимость после событий 11 сентября, чтобы вернуть свою маскулинность и широкое представление о суверенитете» [Butler, Cavaero 2009: 133]. В некотором смысле рассматривая доктрину современной политики через призму Америки времен Буша, Батлер отождествляет пример неуязвимости и неприкрытого высокомерия последней с суверенным субъектом вообще. Такая трактовка, помимо всего прочего, означает, что интерес Батлер к теме уязвимости (которую она обнаруживает в текстах Левинаса) обязан своим появлением особому вниманию Батлер взаимосвязи неуязвимости и насилия, продемонстрированного американской «войной с террором». Это значит, что рассуждения Батлер о ненасильственных средствах концепции уязвимости, прочитанной через иудейскую этику «лика» Левинаса, находятся в теоретической рамке, уравнивающей насилие и неуязвимость, которые выражаются в «национальных структурах воинственности» [Butler 2009: 170].

Батлер утверждает, что борьба *против* насилия — это борьба, которая признает, что насилие существует. Другими словами, первым идет насилие. Кажется, что насилие действие как *primum logicum* (первое в порядке знания), даже если, согласно Батлер, оно постоянно пытается избежать той или иной онтологизации своего происхождения. В рассматриваемой Батлер ситуации насилие разворачивается в конфликте между субъектами, которые — занимая позицию неуязвимых — умножают его в сцепке со звеньями гнева и мести. Кроме того, есть что-то еще, выходящее за рамки, — можно сказать, признак категоричного суверенитета, особенно агрессивного, поскольку Батлер не уверена, что «мы можем рассматривать нынешние войны, которые ведет Америка, просто как акт мести» [Butler, Cavaero 2009: 133]. Потому тем более интересно, что среди прочих работ Левинаса Батлер опирается в основном на его эссе, в котором вопрос о лике рассматривается применительно к конфликту, а именно — к конфликту между братьями. В одном из отрывков эссе «Мир и близость» Левинас размышляет над библейским сюжетом, который касается Иакова и Исава. Последний идет войной на брата, ведя за собой четыреста человек. Иаков одновременно напуган и пребывает в мучениях: он боится собственной смерти и страдает от того, что ему, возможно, самому придется убивать. В контексте теории Левинаса решающий фактор, очевидно, заключается в этих мучениях, уже отраженных в феноменологии «лика Другого», которая предписывает Иакову не убивать. Здесь мы сталкиваемся с фундаментальным аспектом левинасовской этики — с отношением «лицом к лицу», в котором уязвимость Другого обнаруживается в его лике и бросает нам вызов. Рассуждение о «лике» в «Мире и близости» со ссылкой на историю Иакова и Исава раскрывает некоторые особенности этой концепции, которые весьма интересны в рамках интерпретационных стратегий Батлер. Во-первых, как уже было сказано, здесь мы имеем дело с конфликтом, или, скорее, с представлением о насильственном конфликте в его архетипичной форме: брат против брата. Традиционно воин, или, если угодно, воинственный субъект (печально известный своей причастностью к выстраиванию нарратива об основополага-

ющей структуре), изображается на сцене вместе с вооруженной силой, в условиях войны. История, по-видимому, развивается в соответствии с моделью мести, которая предполагает насильственное возмездие: напуганный, если не разгневанный, смертоносным нападением Иаков должен дать отпор, иначе говоря — должен убить, чтобы выжить. Проявляясь в форме тревоги — той самой тревоги, которая неразрывно связана с инстинктом убийства, подчиняющегося логике возмездия — лик Другого, однако, предписывает ему не убивать. Согласно Батлер, Иаков оказывается в конфликте с самим собой: он сталкивается не только с выбором между боязнью собственной смерти и муками причинения вреда Другому, но также и с другой альтернативой, которая, по мнению Батлер, оказывается войной, поскольку «эти два импульса сражаются друг с другом как братья, идущие друг на друга войной» [Butler 2007: 187]. Получается, что образ братской войны повторяется, но на ином уровне — как борьба насилия и ненасилия внутри субъекта.

Как отмечает Батлер, речь идет о войне, которая ведется внутри субъекта; эта война между запретом на убийство и «желанием убить» [Ibid.], исход которой зависит от способности самого субъекта *не* идти на войну. Другими словами, невоинствующий субъект (субъект, который не идет на войну) в данной ситуации оказывается воинствующей стороной, которая, столкнувшись с уязвимостью лика, борется со своей конститутивной агрессией — то есть с агрессивностью, которая делает его симптоматически пригодным для насильственных практик войны. В батлеровской интерпретации Левинаса описанная здесь этика «не является чем-то, что стремится разрушить насилие, которое является основополагающим для всех норм. Это привлечение того же самого насилия против следствия другого конкретного взятого насилия во имя ненасилия» [Ibid.: 187—188]. Насилие, «которое является основополагающим для всех норм», кажется, остается неоспоримым принципом, находящим свое подтверждение в исторических фактах: насилие действительно *существует*, и агрессивный субъект — как онтологическое следствие культурных и социальных инструментов, а также военных действий — формируется насилием. Ненасилие может развиваться лишь в той рамке, в которой оно противопоставляется. В действительности же ненасилие — это борьба.

По меньшей мере, сомнительно, что левинасовская этика лика легко выдерживает интерпретацию, которая подчеркивает центральную роль агрессивного субъекта, делая его хранилищем конститутивного и структурного насилия, даже если он является продуктом социального. Однако известно, что подход Левинаса к проблеме не-убийства оставляет открытой проблему соблазна к убийству, логически предполагаемого его запретом. Помимо всех тех мер предосторожности, которые Левинас предпринял, чтобы воспрепятствовать законности такой дискуссии, мы должны вспомнить о радикальной природе эсхатологического видения мира, в действительности связанной с неизбежной уязвимостью лика, который «разрывает тотальность войн и империй» [Левинас 2000: 68], избегая любых диалектических формулировок, в которых доминирует категория насилия. Аналогичным образом следует отметить, что в целом в левинасовском рассуждении этот обнаженный лик, беззащитный, выставленный напоказ в одностороннем порядке, легче воплощается в жертве, чем в фигуре воина. Как пишет Деррида: «лицом-к-лицу, таким образом, исходно определяется для Левинаса не как с-глазу-на-глаз двух равных в своем стоячем положении людей» [Деррида 2000: 135]. И в этом смысле история Иакова и

Исава, о которой Левинас размышляет в «Мире и близости», представляет собой аномалию. Если левинасовская этика допускает подход, который достигает онтологии человеческого альтруизма, то она предлагает этот альтруизм в действительности во имя уязвимости лика, который, по сути, беспомощен, потому что уже исключен из враждующего правила симметрии и из каждой фигуры взаимности или обмена. Не случайно и то, что этот лик, выставленный на всеобщее обозрение единолично и в одностороннем порядке, в дополнении к запрещению убийства требует исключительного признания уникальности Другого.

Батлер, однако, не доверяет онтологическому примеру, который возникает из-за особого внимания к этой единичности как важнейшей человеческой характеристике. Прежде всего, она не доверяет формальному определению человеческого существа, не принимающему во внимание насилие дискурсивных режимов, которые его производят в таком виде, что включают один и исключают другие жизни. На самом же деле всякий раз, когда Батлер обращается к текстам Левинаса, она задается вопросом — достаточно ли левинасовского определения человека в терминах необходимой и «торжественной» уязвимости для обеспечения чувствительности, которая, в свою очередь, связана с историческими и эпистемическими рамками, обуславливающими ее [Butler 2009: 179]. Это, как уже было сказано и чему не представляется возможности уделить здесь должное внимание, ключевой момент развития всего теоретического аргумента Батлер о связи между насилием и уязвимостью. На этом пути она постоянно соотносится с гегелевской категорией «признания»; и, как утверждают многие исследователи ее работ, это придает первостепенное значение сфере нормативности. В частности, именно в размышлениях о насилии нашего времени Батлер отмечает, что признание в Другом уязвимой жизни (которая достойна траура, в случае если насилие прервет ее) структурно зависит от культурных параметров, которые определяют это признание. Как она пишет: «есть “жизни”, которые не всегда (а точнее никогда) признаются как жизни» [Ibid.: 4]. Насилие социальной онтологии, нормативное насилие с этической точки зрения требует осмысления положения человека как положения уязвимости, присущей всему живому, индивидуально и, следовательно, универсально.

В дискурсе Батлер присутствует своего рода напряженность между социальным и единичным, которая, всякий раз проверяя себя на прочность, по видимому, приводит к эпистемологическому доминированию социального. И кажется, что ее интерпретация текстов Левинаса напрямую связана с проблемой этого напряжения, которое она доводит до предела и подвергает испытанию. Лик, о котором пишет Левинас, — и даже под маской воина Исава этот лик симптоматично не обладает свойствами, но выражает уязвимость, поддерживающие любые рамки, но выходящую за их пределы, — вызывает к определенному иудейскому чувству уникальности, который структурно не совместим с гегелевским подходом, а в частности с фуколдианской рамкой, от которой Батлер не отказывается. Встреча с этим ликом «в тебе» — восходящая к иудейской интеллектуальной традиции, идущей от Бубера к Левинасу, но затрагивающей также Розенцвейга и Арендт — означает принятие воплощенной уникальности другого на сцене его категорического вопрошания, которое не зависит от театра признания, и если уж на то пошло, учреждает его. Как пишет Деррида, левинасовский лик противопоставляется «насилию теории, которая сводит на нет другое, когда им *водительствует*» [Деррида 2000: 134] в рамках дискурсивных режимов, желающих утвердить свою идентичности, или же — на этот

раз в терминах Арендт — желающих определить, что есть Другой, а не кто он есть. Откровенно говоря, Батлер не игнорирует и не недооценивает причины этого обращения «к тебе» и их обоснования в воплощенной единичности — хрупкой и выставяемой напоказ. В последних работах она скорее постоянно сравнивает свой подход с этими причинами и ценит их радикальный характер. Тем не менее она склонна перечислять их в рамках онтологии, которая «предлагает нам модель человека, к которой следует стремиться» [Butler, Cavarero 2009: 134], а не в рамках безотлагательной борьбы за признание, цель которой «расширить нормы, поддерживающие реальные жизни» [Butler 2004b: 225]. Таким образом, этические, политические и онтологические средства, которые проистекают из положения человека в терминах общей, но в то же время уникальной уязвимости, остаются для нее главным образом необходимостью «публичного убежища и публичного признания, которые позволяют этой выставленной напоказ единичности быть узнанной» [Butler, Cavarero 2009: 134].

Пер. с англ. Софьи Порфирьевой

Библиография / References

- [Деррида 2000] — *Деррида Ж.* Письмо и различие / Пер. с фр. Д.Ю. Краlechкина. М.; СПб.: Академический проект, 2000.
- (*Derrida J.* L'écriture et la difference. Moscow; Saint Petersburg, 2000. — In Russ.)
- [Левинас 2000] — *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- (*Lévinas E.* Totalité et Infini. Moscow, Saint Petersburg, 2000. — In Russ.)
- [Butler 2004a] — *Butler J.* Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso, 2004.
- [Butler 2004b] — *Butler J.* Undoing Gender. New York: Routledge, 2004.
- [Butler 2005] — *Butler J.* Giving an Account of Oneself. New York: Fordham University Press, 2005.
- [Butler 2007] — *Butler J.* Reply from Judith Butler to Mills and Jenkins // Differences. Vol. 18 (2). 2007. P. 180—195.
- [Butler 2009] — *Butler J.* Frames of War: When Is Life Grievable? London: Verso, 2009.
- [Butler, Cavarero 2009] — *Butler J., Cavarero A.* Condizione umana contro “natura” // Differenza e relazione. L'ontologia dell'umano nel pensiero di Judith Butler e Adriana Cavarero / A cura di L. Bernini, O. Guaraldo. Verona: Ombre Corte, 2009. P. 122—134.
- [Butler, Spivak 2007] — *Butler J., Spivak G.* Who Sings the Nation State? Language, Politics, Belonging. London: Seagull Books, 2007.
- [Cavarero 2007] — *Cavarero A.* Orroismo ovvero della violenza sull'inerte. Milano: Feltrinelli, 2007.
- [Differenza e relazione 2009] — Differenza e relazione. L'ontologia dell'umano nel pensiero di Judith Butler e Adriana Cavarero / A cura di L. Bernini, O. Guaraldo. Verona: Ombre Corte, 2009.
- [Fare e disfare 2008] — Fare e disfare. Otto saggi a partire da Judith Butler / A cura di M. Pasquino, S. Plastina. Milano: Mimesis, 2008.
- [Filosofia politica 2009] — Filosofia politica. 2009. Vol. 1. P. 3—176.
- [Judith Butler's Precarious Politics 2008] — Judith Butler's Precarious Politics: Critical Encounters / Ed. by T. Carver, S. Chambers. New York: Routledge, 2008.
- [Judith Butler. Trouble... 2009] — Judith Butler. Trouble dans le sujet, trouble dans les norms / Éd. par F. Brugère, G. Blanc, le. Paris: PUF, 2009.
- [Lloyd 2007] — *Lloyd M.* Judith Butler: From Norms to Politics. Cambridge, Mass.: Polity, 2007.
- [Mills 2007] — *Mills C.* Normative Violence, Vulnerability, and Responsibility // Differences. 2007. Vol. 18 (2). P. 133—156.